

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4)

А. Б. Соколов

Методологические воззрения А. Н. Савина и его «лекции по истории английской революции»

В статье рассмотрены взгляды отечественных авторов, советских и российских, на методологические воззрения видного русского историка начала XX в., одного из основателей российского англоведения Александра Николаевича Савина. В ходе исследования выяснилось: подходы к методологическому аспекту творчества Савина отличаются неопределенностью и дискуссионностью. Это особо относится к его «Лекциям по английской революции». В работах разных исследователей Савина определяли как сторонника «экономического материализма», эклектика, позитивиста, идеалиста. Одну из причин такой «неопределенности» автор статьи видит в стремлении ряда видных советских историков, учеников Савина, представить взгляды своего учителя в максимально приемлемом для советской марксистской историографии свете, что нашло отражение в противопоставлении его «другим буржуазным историкам» и в «затушевывании» его методологических позиций. В статье обозначены правила «говорения» о Савине в рамках марксистского дискурса советской историографии. Автор статьи придерживается мнения, что Савин ближе всего был к методологии позитивизма.

Ключевые слова: Савин, российская историография, позитивизм, идеализм, Английская революция.

A. B. Sokolov

A. N. Savin's Methodological Views and His "Lectures on History of the English Revolution"

The views of the native authors, Soviet and Russian, on the methodological ideas of the famous Russian historian of the beginning of the XX century Aleksandr Nikolaevich Savin, one of the founders of the English studies in our country, are regarded in the article. The research demonstrates: the approaches to the methodological aspect of the works of Savin are characterized by some share of uncertainty and discussion. It is especially related to his "Lectures on English revolution". In the works of different specialists Savin is characterized as a supporter of the "economic materialism", as eclectic thinker, as positivist and as idealist. The author of the article sees one of the explanations of this "uncertainty" in the intention of some of the distinguished Soviet historians, Savin's apprentices, to expose the views of their teacher in the best possible for the Soviet Marxist historiography way. This found its expression in opposing him to the "other bourgeois historians" and in veiling his methodological positions. The rules of "speaking" about Savin in the frames of the Marxist discourse of the Soviet historiography are mentioned in the article. Its' author takes a view that that Savin was closer to positivism than to any other methodological background.

Keywords: Savin, Russian historiography, positivism, idealism, the English revolution.

Видного русского историка профессора Московского университета Александра Николаевича Савина (1873–1923) справедливо называют одним из «отцов-основателей» отечественного англоведения. Ученик видного специалиста по аграрной истории Англии П. Г. Виноградова, Савин продолжил исследования своего учителя и в свою очередь стал наставником известного советского историка академика Е. А. Косминского. Коллегами и учениками Савина являлись такие видные специалисты по аграрной истории Англии, как Д. М. Петрушевский, С. Д. Сказкин, В. Ф. Семенов, В. М. Лавровский. Имя Савина находится в ряду имен российских и советских историков, разработавших и сохранивших традицию научного исследования проблем аграрного, а в более широком контексте социального

развития Англии в Средневековье и Раннее новое время. Главными историческими трудами Савина считаются изданные в виде монографии и его магистерская и докторская диссертации «Английская деревня в эпоху Тюдоров» и «Английская секуляризация». Несомненно: то обстоятельство, что ряд видных советских историков, стоявших на марксистских методологических позициях, считали себя учениками и продолжателями Савина, стало немаловажным фактором, предопределившим в целом весьма благоприятную оценку его научного наследия. При этом акцент делался на его скрупулезность, тщательность в аргументации, интерес к проблемам социально-экономического развития. Например, в статье Косминского, написанной вскоре после смерти его учителя, отмечалось: «Читателю,

привыкшему к легкости, с которой большинство историков строит ответственные выводы, смешивая доказанное с гипотетическим, читателю иногда становится досадно на эту чрезмерную осторожность, ему хочется дополнить, подчеркнуть выводы Савина, придать им более резкую и законченную, менее робкую форму. И лишь постепенно он приучается ценить эту редкую научную добросовестность, не позволяющую исследователю сказать больше, чем говорят факты» [3, с. 42].

Достаточно неопределенной в методологическом отношении выглядит характеристика, которую давал в докладе, посвященном 20-летию смерти ученого, Сказкин: «Не бесконечное нагромождение фактов, а стремление к точному знанию, любовь к реальному, подлинному, живому, необычайная чуткость к чужим переживаниям (и современников, и людей, давно отошедших в прошлое), удивительное чутье к прошлому – вот отличительные качества научного исследования Савина. И вместе с тем превосходный образный и одновременно изящный литературный стиль, гибкий и свободно следующий за малейшими поворотами его мысли, за самыми тонкими нюансами его переживаний» [7, с. 40]. При желании это высказывание можно трактовать и как намек на приверженность к методологии позитивизма, и как отрицание такой принадлежности.

Как представляется, фактор «благодарности ученика» вел к «затушевыванию» оценок методологических позиций Савина, что вызывалось потребностью представить их в выгодном свете на основе правил марксистского историографического дискурса. Этот фактор следует учесть и при анализе тех интерпретаций творчества Савина, которые имеются в более поздней историографии и принадлежат перу авторов, не являвшихся учениками ученого. *Первым правилом «говорения»* о методологических взглядах Савина становится рассуждение об их противоречивости и «неопределенности». Собственно, это правило разработал в упомянутой статье Косминский, сформулировав его напрямую по отношению к Виноградову и косвенно по отношению к Савину: «Он примкнул к школе, уже давшей науке крупные завоевания. Родоначальником и главой этой школы был П. Г. Виноградов, под прямым или косвенным влиянием которого воспиталось два поколения русских историков. Философско-исторические взгляды П. Г. Виноградова довольно неопределенны. Едва ли он признал бы себя материалистом. Но его

незабвенная заслуга перед русской наукой заключается в том, что он сосредоточился главным образом на изучении социально-экономических факторов общественного развития» [3, с. 37].

Через несколько десятилетий российский историк А. Н. Нечухрин в статье о позитивизме в русской дореволюционной историографии писал о группе историков старшего (И. В. Лучицкий, Виноградов, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев) и младшего (Р. Ю. Виппер, Петрушевский, Савин) поколений, в трудах которых «намечался определенный разрыв между конкретно-исторической практикой этих исследователей и их теоретическим решением вопроса о роли отдельных факторов в истории. Если в конкретных трудах они уделяли преимущественное внимание социально-экономической стороне истории, то на уровне теории исходили из идей равнозначности различных факторов, выступали против “крайностей” материализма и идеализма» [5, с. 180–181]. Могильницкий писал об «известной сложности его (Савина. – А. С.) научной позиции. Конкретный исторический материал не раз вступал в противоречие с идеалистической основой его методологии» [4, с. 110].

Из рассуждений о «неопределенности» методологических позиций Савина вытекал тезис о его склонности к эклектизму. Мы встречаем этот тезис, в частности, у Могильницкого и Гутновой. Могильницкий утверждал: «В лекционных курсах Савина особенно отчетливо сказывается его эклектизм. Постоянно уделяя большое внимание социально-экономической истории, Савин в то же время развивает свой тезис о том, что сложный исторический процесс никогда не уложится в рамки одной простой формулы, и на деле приходит к историческому идеализму, к переоценке роли идей и политических учреждений, к признанию за ними подчас определяющего значения в историческом развитии» [4, с. 106]. Гутнова отмечала «обостренный интерес ученого к материальной, экономической стороне жизни общества» и в то же время подчеркивала: «Однако сам Савин никогда не был историком-марксистом, он скорее тяготел к эклектизму в понимании истории, отвергая всякий монизм, как идеалистический, так и материалистический» [2, с. 302–303]. Гутнова также сочла нужным привести слова Косминского, по мнению которого, Савин был «историком-реалистом скептического и аналитического склада». При этом она замечала, что «скептицизм» историка следует понимать не с философской точки зрения, а как «научную доб-

росовестность». Ранее Сказкин в том же духе комментировал «скептицизм» Савина: «Он был, пожалуй, скептиком, но не принципиально философски скептиком. Он скептически относился ко всяким поспешным обобщениям и беспочвенному социологизированию. Одновременно он был превосходно осведомлен обо всех теоретических построениях в области методологии истории как науки, был философски глубоко образованным человеком и отлично понимал, что без синтеза не может быть и истории как науки» [7, с. 39]. Примечательно, однако, что Могильницкий говорит о «скептицизме Савина в области методологии истории», то есть именно в философском смысле [4, с. 121].

Вторым правилом «говорения» о Савине в советской историографии было подчеркивание его отличия от «других буржуазных историков». Так, по словам Могильницкого, он «стоял значительно выше общего уровня современной ему буржуазной историографии этого вопроса» (об абсолютизме) [4, с. 118]. По мнению Гутновой, «в некоторых случаях Савин, в отличие от подавляющего большинства буржуазных историков, приближался к пониманию классово-экономической основы государства, причем не только в отдельных формулировках, но, что особенно важно, в анализе конкретной политики государственных органов, особенно английской абсолютной монархии» [2, с. 302]. Могильницкий, рассматривавший методологические взгляды Савина, по моему мнению, иначе, чем другие советские историки, также утверждал: «Общий кризис русской буржуазной историографии эпохи империализма не отразился на методологических и общеисторических взглядах Савина в такой степени, как на творчестве многих других представителей русской буржуазно-либеральной исторической науки (Петрушевский, Виппер, Лаппо-Данилевский и др.), хотя он и затронул его методологические воззрения» [4, с. 124].

Из этого правила вытекает наблюдение, которое я сделал, анализируя посвященные этому историку исследования. Довольно единодушно отвергая влияние на Савина релятивистской неокантианской философии, историки не заходят так далеко, чтобы предположить, что он был позитивистом или, по меньшей мере, испытал влияние позитивизма. В большинстве рассмотренных работ термин «позитивизм» не встретился, хотя некоторые завуалированные характеристики позволяют предположить, что такое влияние не отрицалось. Это можно объяснить тем, что позити-

визм оценивался в советской историографии сугубо отрицательно, как противостоящая марксизму теория. Можно предположить, что упоминавшиеся выше мнения об эклектизме Савина представляют завуалированное признание о присутствии в его работах, по меньшей мере, посвященных аграрной истории Англии в XVI в., позитивистских подходов. Отрицая позитивизм Савина и отмечая его отличие от «безнадежного эмпиризма буржуазной исторической науки второй половины XIX в.», Сказкин писал, что тот «взял от исторического эмпиризма все то хорошее, что можно было от него взять: тонкую и точную технику исторического исследования, любовь к источнику, умение извлечь из него все, что он может дать, и, наконец, тенденцию к постоянному накоплению нового фактического материала» [7, с. 39]. Правда, далее Сказкин противопоставлял взгляды Савина «формуле Шмоллера: факты и факты, воздержимся от широких обобщений, для них еще не настало время». По Сказкину, Савин «при всем его пристрастии к фактам, при всей его сдержанности в области обобщений никогда не был поклонником приведенной выше формулы Шмоллера» [7, с. 39]. Советский историк даже счел нужным отвлечься от Савина и заострить внимание на критике эмпиризма (читай: позитивизма), противостоящего концепциям единого исторического процесса, распыляющего историю, дающего «микроскопические» результаты на основе «лабораторных» методов, создающего «иллюзию безупречной объективности» исторического исследования. Сказкин утверждал, что «под маской сугубой объективности сознательно или бессознательно проводилась знакомая нам точка зрения: история как политика, опрокинутая в прошлое» [7, с. 39].

Гутнова, избегая слова «позитивизм», приписывала Савину вполне позитивистское определение истории: «Скептицизм Савина вытекал из аналитического склада ума и жадного стремления к опытному знанию, которое одно, по его мнению, должно было служить истории как точной науке. А историю он всегда считал наукой точной» [2, с. 303]. Оценки, которые давала методологическим подходам Савина и его методам исследования при подготовке «Английской секуляризации» М. В. Винокурова, определенно вызывают ассоциации с позитивизмом: «Эта работа по широте охвата важнейших проблем в новой и неизведанной области носила социологический характер, будучи основанной в то же время на скрупулезно-точном сравнительно-

статистическом методе... Историческая наука превращалась у Савина в самую точную науку, говорящую языком цифр, а бесформенные глыбы сырого архивного материала выстраивались в ряд блестящих, строго научных выводов» [1, с. 146]. Ниже она дополнила эту характеристику: «Он при всем своем внимании к сюжетам социально-экономической истории не считал себя и материалистом. Савин был “просто” исследователем-практиком. Он честно делал свое дело, не особо утруждая себя мыслями о том, к какому идейному течению относится его творчество. Очевидно, имея в виду свое обыкновение тщательно и взвешенно препарировать исторические факты, он сам себя относил к разряду “аналитиков” или «скептиков» [1, с. 153]. Примечательно, что мнение о «социологическом» характере работ Савина целиком расходится с точкой зрения Могильницкого, писавшего о его «равнодушии к выяснению существа важнейших социологических понятий исторической науки» [4, с. 121]. Разумеется, ремарка, будто он был «просто» исследователем-практиком, выглядит несколько наивной, ибо нежелание разобраться в методологических воззрениях любого историка сужает понимание его трудов. Пожалуй, только в упомянутой статье А. Н. Нечухрина позитивизм рассмотрен как основа методологических представлений российских историков начала XX в., в том числе Виноградова и Савина.

Третьим правилом «говорения» о методологических взглядах Савина является отрицание влияния на него современной ему идеалистической неокантианской философии истории, в частности, идей Г. Риккерта. Сказкин, отметив вклад Риккерта «с его теорией конструирования предмета знания в истории как науки идеографической на основе принципа отнесения к ценности» в критику эмпиризма (позитивизма), подчеркивал: «А. Н. Савин был далек от этих теорий, либо наивных либо философски утверждающих невозможность изучения реального исторического процесса» [7, с. 39]. По словам Гутновой, он «не отрицал ни существования объективных исторических закономерностей, ни возможности их познания исторической наукой и не принимал неокантианских теорий» [2, с. 303]. Даже Могильницкий писал, что Савин «сохранил самостоятельность своих теоретико-методологических взглядов и не воспринял и после 1905 г. реакционные концепции, созданные в области философии истории в Западной Европе конца XIX – начала XX в.». Он «в целом сохра-

нил отрицательное отношение к основным положениям неокантианства в его риккертианской форме». В этом смысле, как отмечалось выше, Могильницкий противопоставлял Савина ряду других русских историков [4, с. 122–124].

Статья Могильницкого о методологических воззрениях Савина, на мой взгляд, является исключением среди других работ, в которых затрагивалась эта тема. Все исследователи, кроме Могильницкого, отмечая «непоследовательность» и «сложность» его взглядов, стоят на позиции, что историк оставался материалистом или даже «экономическим материалистом». Могильницкий, выстраивая аргументацию в рамках марксистского дискурса, утверждал: Савин придерживался философии идеализма, что особенно отразилось в оценке им Английской революции. Так, советский историк утверждал: «Савинская трактовка английской революции как религиозно-политической по своему характеру не является случайностью. Она органически связана с его методологией, в известной степени обусловлена ею. Будучи противником “несчастливого монизма”, Савин, естественно, выступал с позиций исторического идеализма в области методологии. Именно с этих позиций и подходил он к определению характера английской революции, к ее оценке» [4, с. 108]. Эту мысль Могильницкий формулировал многократно, например: «Ярким проявлением идеалистической ограниченности методологии Савина является его анализ причин и характера английской буржуазной революции XVII в.» [4, с. 106]. Из приверженности идеалистическому мировоззрению Могильницкий выводил такие черты концепции Савина, как «стремление показать мирный, эволюционный характер аграрных преобразований в Англии в XVI в.», рассмотрение в качестве центральной проблемы революции «религиозного спора о вере, о спасении души», отрицание социального характера революции, «противоречивая оценка роли народных масс», «недооценка, а в ряду случаев игнорирование социально-экономической обусловленности абсолютизма» и др. В марксистском дискурсе в «иерархии критики» идеализм был куда более серьезным грехом, чем иные недостатки, приписываемые Савину как буржуазному историку. Объясняя подход Могильницкого, возможно, надо учесть его принадлежность к томской школе методологии, то есть известную обособленность от московских историков, видевших себя прямыми продолжателями идей Савина.

Курс лекций по истории Английской революции читался Савиным в Московском университете в 1907–1908 и 1909–1910 гг. и был впервые издан посмертно в 1924 г. Второе издание, вышедшее в 1937 г. под редакцией Косминского, воспроизводило первое издание. Третье издание этой книги появилось в 2000 г. По мнению Косминского, лекции Савина (и его популярные статьи об английском абсолютизме и английской реформации) вполне можно назвать историческими исследованиями. Приходится признать: анализ методологических основ данного курса лекций действительно является непростым. Вспоминается замечание одного английского историка, относящееся к нашим дням: если спросить немецкого историка о методологии его работ, то он, скорее всего, начнет подробно излагать ее, если же спросить об этом британского историка, то он обычно лишь удивленно поднимет брови. Обращая это наблюдение к Савину, можно заключить, что он унаследовал британскую традицию, избегая прямого объяснения собственных методологических предпочтений. Их можно попробовать раскодировать на основе отдельных ремарок, а также исходя из данных им историографических оценок.

Главное, что может породить впечатление о влиянии на Савина идеалистической концепции Риккерта, состоит в признании им влияния контекста времени на понимание прошлого: «Историку наших дней трудно воздержаться от искушения видеть во временах Якова I и в первых пятнадцати годах Карла I только прелюдию к гигантской борьбе середины века. Время Реставрации, время Карла II и Якова II, революция 1688 г., «славная революция» в наших глазах только отдаленный отзвук налетевшей на английское общество более сильной и шумной грозы... Но эта точка зрения сложилась недавно и не без труда получила распространение в английском и вообще европейском обществе. У людей, живших вскоре после переворота, отношение к истории XVII в. было вовсе не таково» [6, с. 5]. Более того, историк как бы упрекает англичан, живших накануне революции, в неспособности представить скорое крушение старого политического порядка и замечает: то же «мы видим на пороге XIX в. во Франции, испытываем по личному опыту в начале XX в.» [6, с. 7]. Эта фраза как нельзя лучше свидетельствует об актуальности для автора тематики избранного курса. Савин вообще ощущал связь между социальным контекстом времени, к которому принадлежит исто-

рик, и его взглядами. Это видно в его рассуждениях по поводу того, что еще не достигнуто «равномерное, симметричное знание» той эпохи: «Ученая работа нередко отстает от течения общественной мысли. Мы чувствуем теперь повышенный интерес к жизни простого трудового человека, потому что он все больше и больше выпрямляется перед нами во весь свой рост. Мы почти все теперь верим в глубокую важность хозяйственных явлений в общем обиходе общежития, отчасти потому, что живем среди быстрых и глубоких экономических перемен и чувствуем на себе их воздействие, отчасти потому, что на наших глазах все растет значение демократических элементов общества, в быту которых хозяйственные вопросы в силу печальной необходимости занимают первое место» [6, с. 43].

Некоторые историографические замечания историка, казалось бы, свидетельствуют о признании, что образы исторических личностей, создаваемые в исторической литературе, различаются в зависимости от контекста времени. Если у Т. Карлейля Кромвель герой, то у С. Гардинера (Gardiner) он «добрый англичанин, множеством нитей привязанный к родной почве, полный отваги в решительную минуту, но постоянно присматривавшийся

и применявшийся к обстановке» [6, с. 42]. Однако значение таких наблюдений вряд ли стоит переоценивать. Савин утверждал, что по мере отдаления от изучаемого события наступает «пора спокойного изучения. Люди и события отодвинулись настолько, что теперешний наблюдатель может, если захочет, без грубых ошибок воспроизвести общие очертания и пропорции разных перипетий и разветвлений самой большой английской драмы. Эти люди XVII в. отнюдь не чужие нам, особенно англичанам. Некоторые волновавшие их вопросы перестали трогать нас, умерли. Но другие все еще живы, не решены. Третьи, конечно, все еще долго останутся нерешенными, будут разъединять и сталкивать сердца и головы. И все же равнодействующая теперешней жизни настолько уклонилась от старины XVII в., что выводы серьезного исторического исследования стали приемлемы для людей разного философского, религиозного, политического склада» [6, с. 43].

Получается, что Савин вполне разделял точку зрения Ранке, будто историк способен абстрагироваться от пристрастий собственного дня, если только с момента события прошло достаточное время. Более того, он принимал как данность, что

в истории может быть правильная, сложившаяся со временем точка зрения. Самое первое предложение его книги звучит так: «Правильное (курсив мой. – А. С.) понимание важнейших событий в истории Англии XVII в. установилось не сразу» [6, с. 5]. То же представление о «правильном» историческом знании видно, например, в характеристике, данной им взглядам деятелей парламентской оппозиции Карлу I второй половины 1620-х гг.: «Несомненно, эти восторженные поклонники незапамятной старины были плохими историками. Они искали в прошлом не только того, что там было, но и того, что им хотелось найти. Основные представления их были прямо антиисторичны. Они легко переносили в прошлое то, что им мечталось создать в будущем» [6, с. 56]. В этой ремарке трудно не увидеть приверженности идее «истинной истории», монополия на которую принадлежит «хорошим историкам».

Принимая во внимание мнение Могильницкого об идеализме Савина, показателем которого является взгляд на революцию как на конфликт, преимущественно религиозный по своей сути, надо заметить: последний сам признавал, что «на историографии английской революции все еще лежит аристократическая и спиритуалистическая окраска». Он определенно видел в этом недостаток: «Батрак, подмастерье, бродяга, даже йомен и мастер все еще редко показываются на страницах общих и даже специальных работ. Все еще недостаточное внимание привлекают к себе общинное поле, огороженная ферма, нарушающая цельность общинного уклада, придорожный кабак, где собирается в сумерках подозрительный люд, скромный дом городского мастера с еще более скромными пристройками для учеников, лавка скупщика, раздающего работу этим мастерам, просторный сарай молодой мануфактуры, лондонский док, стягивающий к себе все лишнее, что вырабатывается в смятенной стране» [6, с. 43]. Трудно не увидеть за этими словами внимания к материальной и социальной стороне истории. Видимо, следует учесть, что сам Савин не рассматривал «Лекции по английской революции» как полноценное научное исследование, а считал его учебным изложением на современном историографическом уровне, при котором, «чрезмерно» и «односторонне», главное внимание уделяется церкви и государству. По его собственным словам, это отнюдь не отражает «личных вкусов преподавателя». На мой взгляд, данное уточнение следует принять во внимание; оно

содержит предпосылку для критики тезиса об идеалистическом характере концепции историка.

Анализ историографического обзора, который Савин предпослал своему лекционному курсу, показывает: особое значение имели для него труды таких современных ему историков, как С. Гардинер и Ч. Фирт (Firth). Однако в литературе, кажется, не опровергалась их методологическая приверженность позитивизму. Рассмотрение историографических идей Савина по теме Английской революции будет продолжено, однако на этом этапе справедливо заключить: вопреки всем «но» Савин в основном следовал господствовавшей позитивистской методологической тенденции своего времени.

Библиографический список

1. Винокурова, М. В. Александр Николаевич Савин (1873–1923) [Текст] / М. В. Винокурова // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2 / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. – М. – Иерусалим: Университетская книга, 2000. – С. 143–154.
2. Гутнова, Е. В. Историография истории средних веков [Текст] / Е. В. Гутнова. – М.: Высшая школа, 1974. – 400 с.
3. Косминский, Е. А. Исследования А. Н. Савина по истории Англии [Текст] / Е. А. Косминский // Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С. 36–60.
4. Могильницкий, Б. Г. К вопросу о методологических основах исторических взглядов А. Н. Савина [Текст] / Б. Г. Могильницкий // Средние века : сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 102–124.
5. Нечухрин, А. Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории (на материалах отечественной историографии) [Текст] / А. Н. Нечухрин // Методологические и историографические вопросы исторической науки : сб. статей / отв. ред. Б. Г. Могильницкий. – Томск: Изд-во Томского университета, 1994. – С. 159–184.
6. Савин, А. Н. Лекции по истории английской революции [Текст] / А. Н. Савин ; под общей редакцией Е. А. Косминского. Издание 2-е. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 388 с.
7. Сказкин С. Александр Николаевич Савин [Текст] / С. Сказкин // Исторический журнал. – 1944. – № 7–8 (131–132). – С. 39–42.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vinokurova, M. V. Aleksandr Nikolaevich Savin (1873–1923) [Tekst] / M. V. Vinokurova // Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 2 / Otv. red. G. N. Sevost'yanov, L. P. Marinovich, L. T. Mil'skaya. –

М. – Ierusalim: Universitetskaya kniga, 2000. – S. 143–154.

2. Gutnova, E. V. Istoriografiya istorii srednikh vekov [Tekst] / E. V. Gutnova. – M.: Vysshaya shkola, 1974. – 400 s.

3. Kosminskij, E. A. Issledovaniya A. N. Savina po istorii Anglii [Tekst] / E. A. Kosminskij // Kosminskij E. A. Problemy anglijskogo feodalizma i istoriografii srednikh vekov. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. S. 36–60.

4. Mogil'nitskij, B. G. K voprosu o metodologicheskikh osnovakh istoricheskikh vzglyadov A. N. Savina [Tekst] / B. G. Mogil'nitskij // Srednie veka : sbornik. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – S. 102–124.

5. Nechukhrin, A. N. Osnovnye ehlementy pozitivist-skoj paradigmy istorii (na materialakh otechestvennoj istoriografii) [Tekst] / A. N. Nechukhrin // Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki : sb. statej / otv. red. B. G. Mogil'nitskij. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1994. – S. 159–184.

6. Savin, A. N. Lektsii po istorii anglijskoj revolyutsii [Tekst] / A. N. Savin ; pod obshhej redaktsiej E. A. Kosminskogo. Izdanie 2-e. – M.: Gosudarstvennoe sotsial'noehkonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. – 388 s.

7. Skazkin S. Aleksandr Nikolaevich Savin [Tekst] / S. Skazkin // Istoricheskij zhurnal. – 1944. – № 7–8 (131–132). – S. 39–42.